

Научная статья

УДК 343.92

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>

**Правовая природа реабилитации и возмещения вреда:
необходимость логико-терминологического и содержательного
разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан**

Жумашев Максат Асылханулы

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, maksat.zhumashev1991@mail.ru

Аннотация. Реабилитация в уголовном процессе России и Казахстана представляет собой необходимый механизм особой публичной реституции прав лица, которое подверглось незаконному уголовному преследованию. При этом основным структурным элементом данного права должно являться именно публичное признание со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, того факта, что лицо незаконно или необоснованно подверглось уголовно-процессуальному принуждению. Возмещение вреда является существенным, но не решающим элементом процедуры реабилитации, поскольку лицо может не воспользоваться данным правом. Российская и казахстанская законодательные модели института реабилитации являются одними из наиболее благополучных в странах ближнего зарубежья, однако отдельные вопросы по-прежнему требуют более четкого, аксиологически обусловленного решения. Представляется значимым четкое содержательное разграничение данных смежных понятий с акцентом на том, что реабилитация является в первую очередь не правом лица, подвергшегося незаконному уголовному преследованию, а обязанностью должностных лиц государства. Сравнительно-правовой анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а также уголовно-процессуального законодательства некоторых других стран ближнего зарубежья позволяет сформулировать ряд выводов, направленных на более эффективную регламентацию института реабилитации в России и Казахстане в вопросах четкого разграничения понятий «реабилитация» и «возмещение вреда».

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, институт реабилитации, лицо, подлежащее реабилитации, Уголовно-процессуальный кодекс, уголовное преследование, сравнительно-правовой анализ, обязанность реабилитации, уголовный процесс, гражданский процесс

Для цитирования: Жумашев М. А. Правовая природа реабилитации и возмещения вреда: необходимость логико-терминологического и содержательного разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 128–133. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>

© Жумашев М. А., 2024

Original article

**The legal nature of rehabilitation and compensation for harm:
the need for logical, terminological and substantive differentiation
in the Code of criminal procedure of the Russian Federation
and the Code of criminal procedure of the Republic of Kazakhstan**

Maksat A. Zhumashev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation, maksat.zhumashev1991@mail.ru

Abstract. Rehabilitation in the criminal process of Russia and Kazakhstan is a necessary mechanism for special public restitution of the rights of a person who has been subjected to illegal criminal prosecution. At the same time, the main structural element of this right should be precisely the public recognition by officials conducting criminal proceedings of the fact that a person was unlawfully or unreasonably subjected to criminal procedural coercion. Compensation for harm is an essential, but not a decisive element of the rehabilitation procedure, since a person may not exercise this right. The Russian and Kazakh legislative models of the institute of rehabilitation are among the most prosperous in the CIS countries, however, certain issues still require a clearer, axiologically determined solution. It seems significant to make a clear meaningful distinction between these related concepts, with an emphasis on the fact that rehabilitation is, first of all, not the right of a person who has been subjected to illegal criminal prosecution, but the duty of state officials. A comparative legal analysis of the CPC of the Russian Federation and the CPC of the Republic of Kazakhstan, as well as the criminal procedure legislation of some other neighboring countries, allows us to formulate a number of conclusions aimed at more effective regulation of the institute of rehabilitation in Russia and Kazakhstan in matters of a clear distinction between the concepts of “rehabilitation” and “compensation for harm”.

Keywords: rehabilitation, compensation for harm, rehabilitation institute, person subject to rehabilitation, Criminal Procedure Code, criminal prosecution, comparative legal analysis, obligation of rehabilitation, criminal procedure, civil procedure

For citation: Zhumashev M. A. The legal nature of rehabilitation and compensation for harm: the need for logical, terminological and substantive differentiation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 128–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>.

Фактически вести речь о полной реабилитации лица, к которому необоснованно применены меры уголовно-процессуального принуждения, можно только в случае, когда состоялось восстановление всех его ущемленных прав (в натуральном выражении, а чаще — в доступном эквиваленте). С другой стороны, и российский, и казахстанский законодатель процедурный вопрос возмещения вреда ставит в зависимость от выраженного волеизъявления самого лица, в отношении которого признано право на реабилитацию. Как справедливо указывает казахстанский исследователь В. С. Попов, «реабилитация (в уголовном процессе) по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (далее — УПК РК) чрезмерно тесно связывается с возмещением (либо с правом на возмещение) вреда, незаконно причиненного при производстве по уголовному делу» [1, с. 37].

В УПК РФ, в отличие от УПК РК, непосредственно используется термин «реабилитированный».

Вместе с тем определение данной дефиниции в пункте 34 статьи 5 УПК РФ как лица, имеющего право на возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным или необоснованным осуждением, содержит в себе элемент незавершенности, поскольку сама реабилитация определяется в пункте 33 статьи 5 УПК РФ как «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [2], то есть в строгом смысле реабилитированным лицо может быть признано только в том случае, если вред ему уже возмещен, а право на его возмещение не возникло.

Статья 53 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на возмещение вреда, который причинен незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц; корреспондирующая данному праву обязанность содержится в статье 52 Конституции Российской Федерации [3]. В Конституции Республики Казахстан аналогов

подобным установлениям нет, соответственно, все вопросы регулирования концентрируются в плоскости отраслевого законодательства (в том числе уголовно-процессуального) [4].

Сопоставляя законодательную модель в оформлении института реабилитации в УПК РФ и УПК РК, можно обнаружить ряд существенных различий. Наиболее принципиальным является указание в части 1 статьи 133 УПК РФ, что право на реабилитацию «включает в себя» право на возмещение различного вида вреда. Часть 1 статьи 37 УПК РК решает этот вопрос иначе: во-первых, речь идет исключительно о восстановлении в правах и недопустимости ограничения в правах и свободах, гарантированных Конституцией РК; во-вторых, часть 2 статьи 37 УПК РК разделяет меры по реабилитации и меры по возмещению вреда [5].

Для сравнения: в УПК Молдовы вообще отсутствует обособление института реабилитации, а «актом реабилитации» является «выведение лица из-под уголовного преследования» [6]. Согласно части 2 статьи 284 УПК Молдовы лицо выводится из-под уголовного преследования при традиционных обстоятельствах «реабилитирующего» характера. При этом УПК Молдовы признает за всеми лицами, которым был причинен вред в ходе уголовного преследования, право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства в течение трех лет с момента возникновения права на возмещение вреда в порядке статьи 6 Закона Республики Молдовы от 25 февраля 1998 года № 1545-XIII «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций».

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК РБ) обособленно оформленный институт реабилитации также отсутствует, а соответствующие вопросы решаются в рамках статей 461–462 УПК РБ, причем статья 462 определяет перечень обстоятельств, при наличии которых принимается «решение о реабилитации лица», а статья 461 УПК РБ связывает наличие права на возмещение вреда исключительно с данными обстоятельствами (т. е. иные формы возмещения вреда УПК РБ не предусмотрены). Все вопросы возмещения вреда, причиненного в уголовном процессе, белорусский законодатель связывает исключительно с решением в порядке гражданского судопроизводства. В качестве положительного аспекта в белорусском варианте можно указать четкую законодательную градацию признаков

каждого вида вреда, который может быть причинен лицу, в отношении которого принимается «решение о реабилитации» [7].

Схожий с российским и казахстанским вариантом регламентации институт реабилитации наблюдается в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее — УПК КР), причем он также обособлен в рамках отдельной главы УПК КР. Кыргызский вариант в большей степени приближен к российской модели, поскольку согласно части 1 статьи 132 УПК КР «право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного ущерба, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах» [8]. Однако отличительной особенностью является то, что право на возмещение вреда признается исключительно за реабилитированным и реализуется только в порядке гражданского судопроизводства.

Одно из самых детальных оформлений института реабилитации имеет место в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее — УПК РУ), где он также регламентирован в рамках самостоятельного раздела (раздел 7) и включает 13 статей. При этом основания реабилитации указываются вне данного раздела (ст. 83 УПК РУ) и включают в себя лаконичный перечень обстоятельств реабилитирующего характера, а также вынесение оправдательного приговора (ст. 301 УПК РУ). В УПК РУ также отсутствуют указания на возмещение вреда в иных случаях, кроме обстоятельств, дающих право на реабилитацию. Сходство с казахстанской и российской моделями заключается в том, что механизм возмещения вреда реализуется в рамках уголовного процесса [9].

В целом представленных примеров законодательных практик достаточно для понимания того, что оформление института реабилитации (либо его фрагментов) в законодательстве различных государств имеет существенные отличительные особенности. При этом, в частности, обращает на себя внимание, что далеко не во всех УПК предусматривается право на возмещение вреда в отношении лиц, не подпадающих под реабилитацию (из проиллюстрированных законодательных практик — только в Молдове). Кроме того, помимо УПК РФ и УПК РК, возмещение вреда при реабилитации предусмотрено в рамках уголовного процесса только в УПК РУ.

Отличием казахстанской модели является достаточно четкое размежевание права на реабилитацию с правом на возмещение вреда, которые находятся во взаимосвязи, но не во

взаимозависимости. Во-первых, правом на возмещение вреда, как и в УПК РФ, обладают не только лица, подлежащие реабилитации, но и другие лица, которым причинен тот или иной вид вреда в связи с уголовным преследованием. Во-вторых, как отмечено в недавних исследованиях, поскольку реализация права на возмещение вреда имеет диспозитивное начало и не является обязательным элементом механизма реабилитации, оно «не должно ставиться в зависимость от того обстоятельства, намерено ли лицо заявлять требование о восстановлении своих имущественных и иных прав» [10, с. 9].

Фактически любое лицо, в отношении которого признается право на реабилитацию, должно быть реабилитировано. Если связывать реабилитацию с фактом возмещения вреда, то возникает недопустимая фикция: появляется вынужденная необходимость признавать в качестве реабилитированных и тех лиц, которые не подали требование о возмещении вреда. При этом ежегодная статистика Судебного Департамента ВС РФ свидетельствует о том, что на протяжении последних пяти лет количество лиц, обратившихся за возмещением, в среднем составляет около 62 % [11]. Имеются ли в таких случаях основания для признания в качестве реабилитированных лиц, которые не воспользовались соответствующим правом? Очевидно, что нет, если исходить из действующей редакции статьи 133 и пункта 34 статьи 5 УПК РФ. Как пишет по этому поводу Н. Э. Шалумова, если государство реально не может обеспечить возмещение вреда, то считать данное лицо реабилитированным нельзя [12, с. 135].

Посредством логически верной корректировки понятий возможно добиться устранения существующих смысловых противоречий. В этом плане заслуживает внимания ранее приведенный опыт нормативного решения в УПК Молдовы и Беларуси, где процедура реабилитации вообще не связывается с категорией «право лица», а расценивается фактически как односторонняя обязанность должностных лиц («акт реабилитации» в Молдове и «решение о реабилитации» в Беларуси). То есть в данном случае вообще исключаются элементы диспозитивности, а процедура реабилитации расценивается как односторонняя обязанность государства в лице его органов. В российской науке также уже высказывалось мнение, что реабилитацию (равно как и возмещение вреда) следует оценивать как обязанность правоохранительных органов и суда [13, с. 7]. Мы со своей стороны полагаем, что именно реабилитация есть обязанность

государственных органов и должностных лиц, а в отношении возмещения вреда должно сохраняться диспозитивное начало.

Соответственно, наиболее точным было бы применение термина «лицо, подлежащее реабилитации», с приведением исчерпывающего перечня лиц, в отношении которых осуществляются реабилитационные процедуры. Этот термин позволит сделать акцент на том обстоятельстве, что реабилитация не связана с тем или иным поведением лица, а осуществляется в одностороннем порядке как обязанность компетентных должностных лиц. Как справедливо указала в своей докторской диссертации М. Т. Аширбекова, в структуру публичности как имманентного принципа уголовного процесса включается «признание юридической ответственности государства и деликтоспособности должностных лиц его органов как субъектов уголовно-процессуальных отношений за допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц» [14, с. 16].

Реабилитация в строгом понимании данного термина представляет собой восстановление какого-либо предшествовавшего состояния, которое имело место до нарушения. Так, в теории уголовно-процессуального права (до принятия действующего УПК РФ) обособление реабилитации и возмещения вреда произошло в связи с принятием Указа Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 года № 4892-X. В частности, Б. Т. Безлепкин сразу вслед за появлением данного Указа отмечал, что реабилитацию следует трактовать как «оправдание судом подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого за отсутствием события или состава преступления ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, а равно по другим основаниям, представляющим собой различные варианты перечисленных условий и обстоятельств» [15, с. 64]. Вскоре после принятия УПК РФ в 2001 году исследователи стали отмечать неточность законодательного соединения вопросов реабилитации и возмещения вреда, поскольку возмещение вреда представляется именно по причине реабилитации [16, с. 6] и является обусловленной реабилитацией возможностью лица [17, с. 7].

Полагаем, что для решения данного вопроса следовало бы четко разделить механизм возмещения вреда при обстоятельствах, дающих лицу право на реабилитацию, и иных обстоятельствах (круг которых не определен

в УПК РФ и частично определен в УПК РК). Реабилитация непосредственно связана с фактом признания существенных нарушений в рамках уголовного процесса, что делает совершенно обоснованным возмещение вреда лицам, имеющим право на реабилитацию, именно в уголовно-процессуальном порядке. Любые иные случаи причинения вреда, не связанные с реабилитацией, было бы обоснованно рассматривать в порядке гражданского судопроизводства на основе общего порядка рассмотрения дел по вопросам причинения вреда действиями (бездействием) должностных лиц, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации и Гражданским кодексом Республики Казахстан.

Приведенный в рамках статьи сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что для стран ближнего зарубежья характерно выведение вопросов возмещения вреда за рамки уголовного процесса (причем также и для реабилитированных лиц). В этом смысле российская и казахстанская модели представляются более верными, поскольку защита от необоснованного обвинения и обеспечение реабилитации каждого лица в случаях незаконного обвинения или осуждения непосредственно включены в сущностное определение уголовного процесса (ч. 2 ст. 6 УПК РФ и ч. 2 ст. 8 УПК РК). Соответственно, в отношении лиц, подлежащих реабилитации, обоснованы соответствующие процедуры именно в рамках уголовного процесса как его продолжение в случаях, когда налицо та или иная степень его дефектности.

Таким образом, во-первых, вопросы реабилитации и возмещения вреда в УПК РФ и УПК РК более адресно и эффективно следовало бы отразить через категории «лица, подлежащие реабилитации», и «лица, имеющие право на возмещение вреда». Это позволит произвести акцент на том обстоятельстве, что реабилитация осуществляется в обязательном порядке и в первую очередь является обязанностью должностных лиц, а соответствующее право производно от данной обязанности. Разделение указанных понятий установит четкие границы, при которых можно будет произвести фиксацию факта реабилитации в отношении каждого лица, имеющего соответствующее право, поскольку они не будут поставлены в зависимость от предъявления (или непредъявления) требования о возмещении вреда. Во-вторых, в целях более полного разграничения статуса лиц, подлежащих реабилитации, и лиц, имеющих право исключительно на возмещение

вреда, целесообразно использовать механизм восстановления вреда в рамках уголовного процесса исключительно для случаев реабилитации; во всех иных случаях механизм возмещения вреда следует связывать с порядком гражданского судопроизводства.

Список источников

1. Попов В. С. Реабилитация в уголовном процессе: о ее сущности и содержании // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 35–39.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 28 июня 2023 года) // Российская газета. 2023. 20 июня.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Российская газета. 2020. 4 июля.
4. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года с изм. и доп. по сост. на 19 сентября 2022 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4, ст. 217.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. № 231-V: принят Парламентом Республики Казахстан (в ред. 24 июля 2023 года) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (кодекс от 14 марта 2003 года № 122-XV): принят Парламентом Республики Молдова (в ред. от 1 декабря 2017 года) // Официальный вестник. 2003. № 104–110, ст. 447.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (кодекс от 16 июля 1999 года № 295-3): принят Палатой представителей 24 июня 1999 года (в ред. 17 июля 2023 года) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129: принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики (в ред. 22 июня 2023 года) // Эркин-Тоо. 2021. № 135 (3314).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII (в ред. 12 августа 2023 года) // Oliy Kengash Axborotnomasi. 1995. № 2.
10. Кузнецова А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 176 с.
11. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.07.2023).

12. Шалумова Н. Э. Конституционное право на реабилитацию: основные понятия // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. 2006. № 5. С. 134–138.

13. Татьяна Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 24 с.

14. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 62 с.

15. Безлепкин Б. Т. Новые гарантии законных интересов реабилитированного // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 62–70.

16. Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

17. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.

References

1. Popov V. S. Rehabilitation in criminal proceedings: about its essence and content. *Business in law*, 2012, no. 4, pp. 35–39. (In Russ.)

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of June 28, 2023). *Rossiyskaya gazeta*, 2023, June 20. (In Russ.)

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of March 14, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.)

4. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at a republican referendum of August 30, 1995, with amendments and additions as of September 19, 2022). *Gazette of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 1996, no. 4, art. 217. (In Russ.)

5. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan no. 231-V of July 4, 2014: adopted by the Parliament of the Republic of Kazakhstan (as amended of July 24, 2023). *Kazakhstanskaya Pravda*, 2014, July 10. (In Russ.)

6. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova no. 122-XV of March 14, 2003: adopted by the

Parliament of the Republic of Moldova (as amended on December 1, 2017). *Official Gazette*, 2003, no. 104–110, art. 447. (In Russ.)

7. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (code no. 295-Z of July 16, 1999): adopted by the House of Representatives of June 24, 1999 (as amended of July 17, 2023). *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 2000, no. 77–78. 2/71. (In Russ.)

8. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021 no. 129: adopted by the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic (as amended of June 22, 2023). *Erkin-Too*, 2021, no. 135 (3314). (In Russ.)

9. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan no. 2013-XII of September 22, 1994 (as amended of August 12, 2023). *Oliy Kengash Axborotnomasi*, 1995, no. 2. (In Russ.)

10. Kuznetsova A. D. Features of rehabilitation in criminal proceedings of the Russian Federation when considering cases by the court of first instance. Dissertation... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2022. 176 p. (In Russ.)

11. Data from judicial statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (accessed 18.07.2023). (In Russ.)

12. Shalumova N. E. Constitutional right to rehabilitation: basic concepts. *Bulletin of KGU named after N. A. Nekrasova*, 2006, no. 5, pp. 134–138. (In Russ.)

13. Tatyana D. V. Rehabilitation in the criminal process of Russia (concept, types, grounds, procedural order). Author's abstract ... candidate of legal sciences. Izhevsk, 2005. 24 p. (In Russ.)

14. Ashirbekova M. T. The principle of publicity of criminal proceedings: concept, content and limits of action. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2009. 62 p. (In Russ.)

15. Bezlepin B. T. New guarantees of the legitimate interests of the rehabilitated. *Soviet state and law*, 1982, no. 6, pp. 62–70. (In Russ.)

16. Podoprigora A. A. Rehabilitation in the criminal process of Russia. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2004. 26 p. (In Russ.)

17. Ramenskaya V. S. Institute of Rehabilitation in Criminal Procedure. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2004. 22 p. (In Russ.)